

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

НЕПЗДААННЫЕ ПИСЬМА К ДОСТОЕВСКОМУ

Настоящая публикация писем к Достоевскому продолжает серию публикаций, запланированную Редакцией академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (см.: Достоевский и его время. Л., 1971. С. 250—270; Достоевский. Материалы к исследованию. Т. 1. Л., 1974. С. 285—304; Т. 2. Л., 1976. С. 297—392; Т. 3. Л., 1978. С. 258—285; Т. 4. Л., 1980. С. 240—254; Т. 5. Л., 1983. С. 246—270; Т. 7. Л., 1987. С. 270—285).

Тексты писем подготовили и комментарии к ним составили: Ш. А. Блтюгова (Д. В. Аверкиев, В. Д. Оболенская, Н. А. Потехин, Ф. М. Толстой), Т. П. Орнатская (Е. Н. Ахматова, Н. П. Барсов, М. Л. Златковский, Н. С. Кашкин, Е. Коробьина, В. В. Крестовский, Ф. И. Лобысевич, Непзвестная (А. К.), А. Г. Шиле), И. Д. Якубович (М. М. Достоевский).

М. М. Достоевский — Достоевскому

1

5 декабря 1841 г. Ревель

5 декабря.

До тех пор, пока я не успокоюсь, не жди от меня длинных посланий, добрый друг и брат мой. На сей раз я ограничусь еще меньшим, а именно дружеской нагонкой за твою неисправность, мой милый. Знаю, что это тебе будет неприятно, а может быть, и взбесит; но что делать? Суди сам мое положение. С каждою почтою жду от тебя присылки известной тебе бумаги и до сих пор не получаю. Ты знаешь, что эта просьба должна быть в Москве гораздо прежде* наступления праздников, потому что только тогда Петр Андреевич может улучшить время на поездку в нашу деревню для переговоров с Елагиным. После же праздников это уже будет для него невозможно, да и бесполезно, потому что Елагин поедет в отпуск. А без этой бумаги Петру Андреевичу нехотят ехать в Каширу. Брат! брат, какой же ты неаккуратный. Ведь через это мы теряем многое, очень многое, даже, может быть, деньги. Если ты еще не выполнил этой просьбы ко мне, то, ради самого бога, поторопись, мой милый, или, что еще лучше, пришли ко мне с нее копию, и я здесь сам похлопочу о переписке ее начисто и перешлю тебе на подписание. Как я раскаиваюсь, что

* Было: ранее

это мне не пришло в голову в Петербурге. Зачем я позабыл у тебя черновую бумагу? Я бы здесь давно обделал это дело и был бы по-коен. П<етр> А<ндреевич> много просил меня о незамедлении высылки этой бумаги. Брат! Ведь родные могут подумать, что мы не хотим иметь его опекуном, и он может сам отказаться.¹ Но довольно об этом. Поговорим о другом.

Я в ужасных хлопотах. Сердце мое не покойно. Поездка в Москву сделала мне много вреда. Насмешка уничтожила религию во Франции: во мне же она оставила какое-то горькое сомнение в моих * силах. Мне кажется, что я делаю глупость, что женюсь; но когда я посмотрю на Эмилию, когда вижу в глазах этого ангела детскую радость — мне становится веселее. Трудно мне будет, брат, особенно первый год, но что делать, как-нибудь перебьемся. Второй год уже будет легче. От тысячи моей остаётся не более 100. Ты удивисься, может быть, но, ей-богу, это правда. А как мы экономничаем-то. Я во всем себе отказываю.

Еще я должен предостеречь тебя. Егор твой — вор, развратник и пьяница. Сколько проделок рассказал мне мой человек о нем! Ради бога, брат, ради самого создателя, прогони его и вытребуй себе денщика. Если б не ты был замешан в его проделках, я хохотал бы досыта при рассказе моего Василья! Так лапошить своих господ! Ни одной ночи не ночует он у вас дома. Платок твой шелковый он потерял у б<-->ей, надушив мои духами. Писем он ни одного не носит на почту. Брат, это самый злодей! Вон его! Он обкрадывает тебя. Да еще, пожалуйста, исполни мою просьбу. На дороге в Петербург Василий мой украл на одной станции ивиковую трубку. Он оставил ее у Егора, допытаться у него о ней и перешли ее ко мне! Меня чуть-чуть не откомандировали в Свеаборг. Надо еще ожидать откомандировки, и тогда я уже не удержусь на месте, а это меня разорит. Нельзя ли попросить Кривошпина,² чтобы он поговорил об этом с Политковским,³ что ему тот посоветует?

Вот тебе, мой милый, на первый раз. Свадьба моя сейчас после праздников. Тогда огромное письмо!

Кланяйся от меня Андрюше и Китковскому.⁴ Скажи Андрюше, чтобы он по крайней мере не ленился писать ко мне. Ты же, брат, пожалуйста, пиши ко мне побольше. Я не останусь в долгу.

Здоров ли ты, мой милый? Ради бога, береги свое здоровье. Эмилия тебе кланяется и немного сердится за невнимание. Ей хочется что-нибудь подарить тебе на память, да вместе и раздумывает, чтобы не избаловать тебя своею благосклонностью. Прощай, мой милый! Не сердись за письмо. Отвечай скорее! Да не забудь просьбы. Прощай.

Твой друг и брат Достоевский.

Письма М. М. Достоевского (1820—1864) к брату стали одним из главных источников для воссоздания духовной жизни молодого Достоевского, его биографии. Публикуем два его письма, оставшихся неопубликованными, из известных 53 писем (см.: Искусство. М., 1927. Кн. I. С. 107—114; Достоевский. Ма-

* Было: своих

териалы и исследования. М.; Л., 1935. С. 505—580), чтобы переписка братьев Достоевских в полном объеме была доступна для исследователей.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93.П.4.29. Частично опубликовано: Лит. наследство, т. 86. С. 371.

Письмо датируется 1841 г., так как в нем речь идет о скорой свадьбе М. М. Достоевского, состоявшейся в январе 1842 г.

¹ Получив весной 1841 г. должность начальника чертежной Ревельской инженерной команды, М. М. Достоевский осенью того же года принял решение жениться на Э. Ф. Дитмар и отправился в Москву, чтобы согласовать с родственниками свои денежные отношения. Здесь состоялся договор о смене опекуна над наследством Достоевских. Вместо каширского уездного исправника Н. П. Елагина, назначенного опекуном совместно с М. М. Достоевским в 1839 г., опекуном решено было избрать П. А. Карепина, для чего и необходимо было выслать официальное согласие Ф. М. Достоевского, о котором идет речь в письме.

² Генерал-лейтенант инспекторского департамента Военного министерства И. Г. Кривошипин (1796—1867), родственник первой жены П. А. Карепина, не раз оказывал братьям Достоевским различные услуги, выручал деньгами и т. д. Достоевский писал брату о Кривошпине: «Вот бесценнейший человек! Поискать! Принят я у них бог знает как <...> Чем заслужили мы их внимание?» (28₁, 77—78).

³ Политковский Владимир Гаврилович (1805—1869), генерал-лейтенант, исполняющий должность начальника штаба генерал-инспектора по инженерной части, ведал военно-учебными заведениями (см.: Рус. старина. 1883. Т. 39. С. 515).

⁴ По-видимому, речь идет о товарище брата Андрея, жившего вместе с Достоевским.

2

Начало июня 1862 г. Петербург

Пишу тебе затем только, чтоб ты не беспокоился насчет своего паспорта: он у меня на столе остался. В Москве он тебе не нужен, и я его тебе не посылаю.

Мне нынче к вечеру стало полегче. Поцелуй Федю от меня и скажи ему, чтоб он почаще на фортепьянах поигрывал.¹

Кланяйся сестрам и Ал<ександру> Павловичу.

Нынче, сейчас почти после вашего отъезда, получил письмо от Полонского. Он и к тебе пишет. Письма, впрочем, неважные, и по-сему прочтешь по возвращении.²

Прощайте, будьте здоровы и веселитесь.

Весь твой М. Достоевский.

Понедельник.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93.П.4.30.

Письмо датируется началом июня 1862 г. (понедельник приходился на 4 июня), так как заграничный паспорт, о котором идет речь в письме, был выдан Достоевскому 29 мая 1862 г., и именно перед этой поездкой за границу (а не в 1863 г.) писатель пробыл несколько дней в Москве.

¹ Племянник Достоевского и его крестник Федор стал впоследствии pianistом.

² Письма Я. П. Полонского к Достоевским от мая—июня 1862 г. неизвестны.

Екатерина Коробьина — Достоевскому

29 октября 1859 г. Тверь

29-го октября

Надеюсь, Федор Михайлович, что вы будете так любезны и не откажете мне в моей просьбе; она состоит в том, чтобы провести сегодняшний вечер у нас?

Итак, до свидания, не правда ли?

Ек. Коробьина

На сложенной вдвое записке:

Его Высокоблагородию
Федору Михайловичу Достоевскому

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, № 29749.

Год устанавливается по содержанию письма: его автор, Екатерина Коробьина, очевидно, была женой управляющего палатой государственных имуществ в Твери (с 1857 по 1862 г.), камер-юнкера Владимира Григорьевича Коробьина. Достоевский мог познакомиться с Коробьиным в доме тверского генерал-губернатора графа П. Т. Баранова, где стал часто бывать с сентября 1859 г. Коробьины же были своими людьми в доме Баранова. Кроме того, В. Г. Коробьин был «правой рукой» Баранова, принимавшего такое большое участие в хлопотах по возвращении Достоевского из Твери в Петербург. С Коробьиными Достоевского могли связывать и литературные интересы (известно, что с В. Г. Коробьиным был знаком М. Е. Салтыков-Щедрин, «раззнакомившийся» с ним в 1861 г. из-за разногласий по крестьянскому вопросу, см.: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1975. Т. 18. Кн. 1. С. 245) и то, что Коробьины были владельцами поместий в Зарайском у. Рязанской губернии, недалеко от мест, где проходили детские годы Достоевского.

Публикуемое письмо несколько расширяет наши чрезвычайно скудные представления о круге тверских знакомых Достоевского.

Е. Н. Ахматова — Достоевскому

6 марта 1861 г. Петербург

1861, 6 марта

Милостивый государь.

Не угодно ли Вам поместить в Вашем журнале две статейки очень интересного содержания: «Столик Петра Великого» и «Рейнские разбойники». Скоро я доставлю Вам два уголовных процесса. Один — Марпи-Франциски-Виктории Сальман, происходивший в 1786, другой — профессора Гебстера в 1849. Это процессы подлинные, но если Вам угодно, могу доставить Вам еще два, вымышленные романистом, но очень интересные.¹ Если Вам нужна рекомендация для моих переводов, то позвольте до Вашего сведения, что, с тех пор как я издаю «Собрание иностранных романов», все английские романы в этом издании переведены мною. Если Вам нужны для переводов вещи исторические, позвольте указать Вам на мой перевод

«Четырех Георгов» Теккеря в «Русском вестнике». Я просила бы Вас обратить особенное внимание на примечания к «Четырем Георгам». Я очень желала бы, чтобы Вы поручили мне перевод в Вашем журнале, я перевожу с французского и английского. Я могла бы Вам доставлять такие статьи, которых вряд ли достанете Вы в Петербурге в другом месте, потому что я выписываю прямо из Лондона книги, не выписываемые никем здесь, кроме меня. Я выписываю шесть английских журналов и восемь французских, не считая бесчисленных романов < . . . >

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф.93.П.1.59.

С писательницей и переводчицей Елизаветой Николаевной Ахматовой (1820—1904) Достоевский, очевидно, вскоре после этого письма познакомился лично. Возможно, его заинтересовал упоминаемый в письме перевод одного из романов Ч. Диккенса. Не исключено также, что вскоре после этого письма писатель стал подписчиком ежемесячно выходившего и издаваемого его корреспонденткой «Собрания иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык» (выходило с 1856 по 1885 г.). В 1863 г. Достоевский в письме к Ахматовой (несохранившемся; см. 28₂, 514) жаловался ей на неаккуратную присылку конторой Ахматовой этого «журнала».

¹ Никаких статей или переводов Ахматовой ни во «Временщ», ни в Эпохе» не появлялось.

Ф. М. Толстой — Достоевскому

1

8 апреля 1861 г. Петербург

Милостивый государь Феодор * Михайлович.¹

Я не принадлежу к числу «угнетенных или оскорбленных», но могу почитать себя отчужденным или по крайней мере непризнанным. — Весьма может быть, что Вы, издатель журнала, и не подозреваете моего существования; а между тем я много уже потрудился, много исписал бумаги. В течение 10-ти лет (от 1850 до 1860 г.) я участвовал почти во всех журналах, статьи мои или перепечатывались или перепечатываемы были в переводе не только в столичных, но и в губернских газетах. Втихомолку хвалили и даже превозносили мои сочинения и желчный Панаев, и ветреный Григорович, и офранцузившийся Соллогуб, и слепой поклонник Тургенева Аппенков, и сам сладкоглаголивый Иван Сергеевич.²

За «Болезни воли», последнюю мою повесть, напечатанную в «Русском вестнике», я удостоился от редакции формальным рескриптом, в котором повесть моя названа «*учено-художественным произведением*» (sic!).³ Но никто не решился громко высказать своего мнения насчет моей литературной деятельности, и для грозных наших артистархов и ценителей Григорьевых, Дудышкиных, Чернышевских и пр. и пр. я был, есть и, вероятно, навсегда пребуду *terra incognita* или мертвая буква.

* Феодор описано над незначеркнутым: Михаил

Читая с большим вниманием и наслаждением глубоко задуманный и прочувствованный Ваш роман «Униженные и оскорбленные», я пришел к убеждению, что из всех современных наших писателей Вы наиболее подходите к условиям, требуемым от писателя-художника.⁴ И так как, по моему мнению, истинный художник превышает мелочных литературных дрязг, то я решился представить на Ваше обсуждение драму моего сочинения. Если Вы найдете ее достойною печати, то примите ее, разумеется безвозмездно, как слабое изъявление питаемого мною уважения к высокому Вашему таланту.⁵

Однако же, действуя всегда прямо и откровенно, я почитаю долгом сообщить Вам о похождениях этого драматического произведения.

Я написал эту драму в 1858 году, и, зная уже по опыту недоброжелательство ко мне литературных партий, я скрыл свое имя под псевдонимом Горского. — Драма провалялась в Дирекции почти 10 месяцев, но хитрость моя удалась, и театральный художественный комитет (sic!) одобрил ее (т. е. драму) почти единогласно.

Цензура III Отделения нашла ее неудобною для постановки на сцену, но печатать не запретила. — Тогда я обратился к «Русскому вестнику», снабдившему меня незадолго пред тем хвалебным рескриптом, и получил загадочный отзыв, в котором сказано было между прочим, «что драматическая рамка не довольно обширна для размашистого моего повествовательного таланта, что в драме мне тесно и негде разгуляться» (sic!!!). Затем я обратился к «Современнику». Г-<н> Панаев написал мне весьма любезную записку, но отказал под тем предлогом, что драма произвела на него слишком тяжелое впечатление, что он ее прочитал *залпом* и притом *на ночь* и что даже ему, человеку бывалому, *очерствевшему, не спалось* от нее — то посудите же, добавляет премудрый «Новый поэт», — поздоровится ли публике от подобного чтения.

Любопытный этот отзыв поразил меня своею глубокомысленностью, но оставил в совершенном недоумении насчет достоинства или негодности моего произведения.

С настойчивостью, достойною лучшей участи, я наконец обратился к «Русскому слову». Редакция этого журнала не пустилась в длинные объяснения и, продержав рукопись несколько месяцев, возвратила мне, объявив, что драма не может быть напечатана, потому что слишком «*рутинна*». Этого уж я никак не мог ожидать — потому, во-первых, что рутинна набивается навыком, а я для сцены никогда не писал, а во-вторых, сколько я припоминаю, никогда еще на русской сцене не выставляли напоказ так смело нелепости некоторых из коренных наших узаконений. Не знаю, понравится ли Вам моя драма или нет, но во всяком случае решитесь, прошу Вас, пожертвовать час-другой на ее прочтение; смею Вас уверить, что это не *пустословие* и что множество печатается вещей ничем не лучше столь усердно забракованного тремя редакциями произведения.

Я не решился утруждать Вас личным моим посещением, но если Вы пожелаете меня видеть и лично со мною объясниться, то напишите слово, и я с величайшим удовольствием явлюсь к Вам, тем бо-

лее, что с первых строк последнего Вашего романа жажду с Вами познакомиться.

Примите уверения совершенного почтения и преданности

Ф. Толстой.

8 апреля 1861 г.

Адрес мой: Феофилу Матвеевичу Толстому в дом кн. Юсуповой на Исаакьевской площади.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93.11.9.57.

Феофил Матвеевич Толстой (1809—1881), внук М. И. Кутузова, писатель, музыкальный критик и рецензент, композитор-дилетант, со второй половины 1860-х гг. член совета Главного управления по делам печати. Начав 1830—1840-х гг. с сочинения опер, которые не имели успеха, с 1850 г. принимал деятельное участие в «Северной пчеле», «Голосе», «Московских ведомостях» и других газетах (псевдонимы: Ростислав, Горский и др.). Как музыковед, в частности, способствовал популяризации опер А. Н. Серова. Его статьи о литературе были направлены против натуральной школы и революционно-демократического направления. Прозаические произведения Ф. Толстого были большей частью неудачны. В какой-то мере признание современников получили написанные под влиянием демократических тенденций времени повесть «Ольга» и роман «Болезни воли». Поведение его как влиятельного чиновника цензурного ведомства было двойственным и очень непоследовательным. Некрасов еще в начале 60-х гг., в пору «Современника», а затем как редактор «Отечественных записок» использовал слабости Ф. Толстого, его влечение к литературе в своей борьбе с цензурой (см. в связи с этим заостренную характеристику Ф. Толстого в статьях Б. Папковского, С. А. Макашина и К. И. Чуковского: Лит. наследство. Т. 49—50. С. 479—487; Т. 51—52, С. 569—620). Переписка Ф. Толстого с Достоевским относится к весне 1861 г. и связана с попыткой Толстого опубликовать во «Времени» его драму «Пасынок». Демонстрируя эстетическую требовательность Достоевского в подходе к драматическим произведениям, она открывает один из эпизодов его эпистолярного общения с драматургами или лицами, обратившимися к драматургической деятельности (см. также письма к нему Н. А. Потехина, В. Д. Оболенской и Д. В. Аверкьева, которые позволяют судить о Достоевском как редакторе, в частности «с пером в руках» правящем пьесу Потехина, его отношении к попыткам инсценировки его произведений и его творческих взглядах на нее, его отклике на тему новой комедии Аверкьева и их диалоге, вводящем в лабораторию размышлений бывшего сотрудника «Эпохи», поместившего в журнале братьев Достоевских ряд рецензий и статей о театре и свою первую пьесу «Мамаево побоище», над его поздним теоретическим трудом о драме).

Известны три публикуемых письма Ф. Толстого к Достоевскому, ответные письма Достоевского к Ф. Толстому не сохранились (см.: 28₂, 509—510).

¹ В связи с путаницей в имени письмо это, отправленное, по-видимому, в адрес редакции «Времени», сначала «попало по ошибке» (как сообщает во втором письме Ф. Толстой — см. ниже) к М. М. Достоевскому, а потом уже по назначению.

² О начале своей литературной деятельности и своих «злключениях» на писательском поприще Толстой позднее рассказал в автобиографическом фельетоне «Коптильщик неба». Там же воспроизводится эпизод, касающийся публикации в «Современнике» по договоренности с И. И. Панаевым его перевода-переделки («Капитан Тольди. Очерки светской жизни» — «Современник». 1852. № 1) и мемуарной повести («Три возраста. Дневник наблюдателя и воспоминания музыканта-литератора» — «Современник». 1853. № 10—12) и последующего весьма драматического развития его взаимоотношений с сотрудниками журнала (среди которых упоминаются Григорович и Тургенев), в конце концов осудивших «неосторожного редактора» за выставление в «серьезном» журнале «напоказ <...> приторных белоперчаточников, великосветских шемазанов» и т. п.

(«Русский мир». 1874. 5 и 8 окт. № 273 и 276). Похвала Тургенева могла относиться к обзорениям Ростислава, посвященным гастролям Полины Виардо в Петербурге в 1853 г.

³ Роман «Болезни воли» Ф. Толстого был опубликован в «Русском вестнике» в 1859 г. (№ 9—10); переиздан в двухтомнике сочинений Ф. Толстого в 1866 г. В это время на него обратил внимание Писарев, который в увлечении Ф. Толстого «процессом психического анализа» героя романа, одержимого болезнью «правдомании», увидел полезное начинание (см.: *Писарев Д. И. Соч. М.*, 1956. Т. 4. С. 261—315). Письмо из редакции «Русского вестника» по поводу романа «Болезни воли», цитируемое Ф. Толстым, неизвестно.

⁴ Это обращение Ф. Толстого к Достоевскому как к «писателю-художнику», мнение которого для него наиболее значимо, в начале публикации «Униженных и оскорбленных» во «Времени» (1861. № 1—4) и «Записок из Мертвого дома» в «Русском мире» (1860, сент. 1861, янв.) — свидетельство раннего авторитета Достоевского по возвращении в Петербург из ссылки.

⁵ В драме Ф. Толстого, направленной, по его словам, против «буквы» закона и судебного крючкотворства, действие происходит «в степном имении Оловяникова», доставшемся ему после смерти жены; в перечне действующих лиц охарактеризован как 60-летний «властолюбивый» помещик. Кроме него фигурирует его 25-летняя дочь Софья Николаевна, вдова с 8-летним сыном, «тихая, скромная», и пасынок Бурцев, отставной кавалерийский поручик, «лихой гуляка, человек безнравственный», Любанович, кандидат С.-Петербургского университета, наставник сына Софьи Николаевны, «молодой человек скромный и трудолюбивый», а также не раз заезжающий «по пути» к ним в имение вместе с супругой уездный судья Полубов, корыстолюбец «под личиной добродушия», становой пристав и некоторые др. Пасынок Бурцев приезжает в имение после долгого отсутствия; считая себя обделенным и имея долг 20 тысяч, сначала просит сестру уговорить отца оплатить его долг, затем грозит убить его и, наконец, в пылу ссоры в самом деле убивает. Судья Полубов, мечтающий взять опеку над имением и поживиться, арестовывает не только Бурцева, но и Софью Николаевну, так как та слышала похвальбу брата об убийстве. Уже собирается партия в Сибирь, и она мысленно навек прощается с сыном и его учителем, когда вдруг зачитывается рескрипт о «высочайшем милосердии», которого добилась председательница человеколюбивого общества (о дальнейшей судьбе пьесы и ее критических оценках см. в комментариях к двум другим письмам Толстого).

2

27 апреля 1861 г. Петербург.

Милостивый государь Федор Михайлович.

Очевидно, что ни мое послание, ни драма моя не заслужили Вашего внимания, потому что до сих пор Вы не удостоили меня ответом, а время прошло более 3 недель.

В половине мая я уезжаю из Петербурга на несколько месяцев, и поэтому прошу Вас, если Вы не желаете принять мою драму, возвратить мне рукопись, иначе она потеряется промежду отвергнутыми Вами материалами.¹

Душевно сожалею, что правдивые слова, помещенные на стр. 128 последнего № Вашего журнала, где сказано между прочим, что «во-первых, чрезвычайно неприлично критике молчать о каком бы то ни было честном труде, и, во-вторых, у нас это хуже чем неприлично: вредно»,² до меня, по-видимому, не касаются.

Потому что ни об одной из моих повестей никто не сказал ни слова,

а между тем для каждой из них необходимы были долгие и трудные изыскания.

Больно и грустно, что *сословные* предубеждения так сильно затмевают у нас чистосердечность и справедливость литературных воззрений.³

Примите уверения совершенного почтения и преданности.

Ф. Толстой.

27 апр<еля>.

NB. Предыдущее письмо попало по ошибке к брату Вашему Михаилу Михайловичу.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93. II.9.57.

¹ Рукопись «Пасынка» была Толстому возвращена (см. третье его письмо к Достоевскому и примеч. к нему).

² Приводятся «слова» из статьи А. Григорьева «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой» (II), посвященной драме Л. Мея «Псковитянка», в которой критик исходил из мысли, что при малом количестве у нас «драматических оригинальных произведений» молчать о «честном и даровитом труде» неприлично критике, оскорбительно для дарования писателя и вредно для публики («Время». 1861. № 4).

³ Говоря о «сословных предубеждениях», Ф. Толстой имел в виду свои связи с высшим светом (при положении гофмейстера двора), которыми, по его мнению, объяснялось предвзятое отношение к нему демократических литературных кругов. Несколько позднее в письме от 6 января 1863 г. Ф. Толстой делится подобными обидами своего уязвленного самолюбия с А. В. Дружининым: «Посмотрите, какую бурю негодования возбудил Тургенев, затронув нигилистов, посмотрите, какое презрительное молчание встретила моя попытка затронуть вопрос о психиатрии и о домах сумасшедших в повести „Болезни воли“ < . . . > За литературной славой я уж не гонюсь. бог с ней, стар стал, — но все-таки больно, что труды остаются не замеченными темп людьми, которые могли бы их оценить». И далее сетования касаются непосредственно «Пасынка» (его петербургской постановки — см. примеч. 2 к третьему письму). — Летописи. Гос. лит. музей. М., 1948. Кн. 9. С. 313.

3

2 мая 1861 г. Петербург.

Милостивый государь Федор Михайлович.

Узнав подробности тяжелой Вашей болезни,¹ Вы не поверите, как мне стало стыдно и совестно, что я утруждал Вас докучливыми моими письмами. Простите также великодушно за намеки, выраженные в последнем письме. — Сердце наболело от незаслуженного моего отчуждения от литературного нашего мира.

Приговор Ваш над моею драмою я принимаю за окончательный, безапелляционный и душевно благодарю Вас за откровенность.² — Откровенность Ваша еще более возбудила во мне желание лично с Вами познакомиться; и если Вам угодно будет посетить меня или

назначить мне день свидания, я с особенным удовольствием буду у Вас.³

Примите уверения совершенного почтения.

Ф. Толстой.

2 мая 1861.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93.11.9.57.

¹ Других сведений о «болезни» Достоевского весной 1861 г. не имеется.

² Несмотря на заверения Ф. Толстого о признании «приговора» Достоевского, вынесенного его драме «Пасынок» (очевидно, уже пересланной ему), «окончательным», он продолжает добиваться разрешения на постановку пьесы, и безуспешно: в конце 1862 г. «Пасынок» был представлен в Москве на сцене Малого театра с участием С. В. Шумского, П. М. Садовского, Н. М. Медведевой и других, где благодаря таким силам просуществовал в течение нескольких месяцев и дан (по подсчетам Ф. Толстого) «более 30 раз»; затем «Пасынок» зимой 1863 г. и весной 1864 г. был включен в репертуар Александринского театра в Петербурге, однако выдержал здесь всего несколько спектаклей и, раскритикованный рецензентами, был снят; тем не менее он продолжал ставиться многими провинциальными труппами вплоть до начала 1870-х гг. (см.: *Толстой Ф. М. Соч.* СПб., 1871. Т. 2. С. 139—140). В московской газете Н. Ф. Павлова «Наше время» появилась положительная рецензия на постановку Малого театра С. Д. Полторацкого, в которой говорилось, что драма «Пасынок» «неизвестного автора <...> составляет резкий контраст с той бессмысленной галиматфией, которую снабжает нашу сцену когорта доморожденных переводчиков», но далее отмечалось, что действенными являются лишь первые два акта и что пьеса должна бы была завершиться сценой убийства, совершенного пасынком, заброшенным 7-ми лет «в корпус» и заброшенным нравственно («Наше время». 1862. 30 нояб. № 259). А. Вольф в обзоре театрального сезона 1863/64 г. в Петербурге констатировал: «Ф. М. Толстой, известный в литературе под псевдонимом Ростислава, возмел мысль испробовать свои силы на новом поприще и написал скучноватую драму „Пасынок“, в которой оказалось, однако, довольно живое лицо — забулдыги Буурцева; Самойлов выполнил эту роль с обычным ему мастерством» (*Вольф А. Хроника Петербургских театров.* СПб., 1884. С. 28). Этим полусочувственным отзывам противостоит «приговор» Достоевского и резко иронический, уничтожающий разбор Салтыкова-Щедрина, который в своих «Московских письмах» отнес автора «Пасынка» к литераторам, которые за непремением идей «запмствуют таковые из свода законов» и главной своей специальностью избирают «помогать правительству», и заметил по поводу одной из сценок, где расчувствовавшийся пристав Крюков жалеет Софью Николаевну, что автор «в этом случае действует наперекор Гоголю и показывает сквозь видимые слезы невидимый миру смех». «Вот пьеса, которую наши актеры, — заканчивает Щедрин, имея в виду спектакль Малого театра, — играют совершенно серьезно и из которой слятся даже сделать нечто художественное» (*Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.* М., 1966. Т. 5. С. 139—151).

Совпадение в отрицательных суждениях о пьесе Ф. Толстого великого сатирика Салтыкова-Щедрина и подлинно глубокого трагика Достоевского знаменательно. Оно подчеркивает неприемлемость для Достоевского художественно неполноценной и сентиментальной благонамеренной драматической продукции, хотя и претендующей на серьезную проблематику и трагизм.

³ Состоялось ли личное знакомство Ф. Толстого и Достоевского, неизвестно. В 1935 г. Л. П. Гроссманом было зафиксировано еще одно письмо Ф. Толстого к Достоевскому от 18 мая 1861 г., хранящееся в ГБЛ (см.: *Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского.* М.; Л., 1935. С. 105), которое к настоящему моменту утрачено. По всей вероятности, Достоевский ответил на письмо Толстого от 2 мая, и последний написал ему снова; была ли это договоренность о встрече или, напротив, чем-то мотивированный отказ от нее, судить трудно.

Н. С. Кашкин — Достоевскому

6 августа 1861 г. Петербург

Мне очень прискорбно, многоуважаемый Федор Михайлович, что за личными хлопотами перед отъездом я не мог найти свободного вечера, чтобы проститься с Вами: надеюсь вознаградить себя в следующий приезд в Петербург. Прошу Вас засвидетельствовать мое искреннее уважение супруге Вашей и Михаилу Михайловичу и передать им просьбу мою — сохранить мне доброе расположение, которым я пользовался.

Позвольте просить Вас принять на память экземпляр пояснительной записки к трудам Калужского комитета по крестьянскому делу, в котором я принимал участие. Если Вы найдете досуг пробежать введение нашего труда, Вы найдете соображения по крестьянскому вопросу, которые, сколько мне кажется, еще не совсем потеряли интерес современности.

Затем крепко жму Вам руку, благодарю Вас за добрые часы, проведенные в Вашем обществе, и поручаю себя Вашей памяти.

Душевно Вам преданный

Николай Кашкин.

Экземпляр записки, адресованный на Ваше имя, отсылается в книжный магазин Базунова для передачи Вам.

6 августа 1861. Петербург.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93.11.5.61.

Николай Сергеевич Кашкин (1829—1914) до ареста по делу петрашевцев был чиновником Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Он был приговорен к 4 годам каторги, которую ему заменили солдатчиной.

После окончания срока он поселился в Калуге. Из публикуемого письма следует, что отношения Достоевского и Кашкина хоть и были «добрыми», но все же недостаточно близкими. В этот же приезд Кашкина Достоевский, вероятно, подарил ему переплетенный из отдельных оттисков журнала «Время» экземпляр только что вышедшего романа «Униженные и оскорбленные» с дарственной надписью. Свидетельствует об этом контекст имен из следующей дневниковой записи Достоевского, относящейся к лету 1861 г.:

«Быть: у Дебу
у Смирнова
у Кашкина
у Фермора». — 26, 91.

Известно, что В. Я. Смирнову и П. Ф. Фермору были подарены экземпляры романа — 30₂, 57, 58.

23 марта (4 апреля) 1862 г. Вена

Вена, 4 апреля

Милостивый государь Федор Михайлович.

Перед моим отъездом за границу Вы сообщили мне свое намеренье также отправиться из России для поправления здоровья, позволив мне известить Вас о том, как я распоряжусь с своим путешествием, — может быть, откроется возможность совершить часть поездок вместе или, по крайней мере, встретиться где-нибудь. Я давно уже собрался выехать из Вены, но болезнь, довольно серьезная, удержала меня и не дает никакой еще возможности окончить все то, что я должен сделать в Вене. Во всяком случае через неделю поеду в Прагу и пропутешествую по Моравии и Богемии. В Праге останусь до половины мая нов<ого> стиля, может быть более, смотря по занятиям, — оттуда в Саксонию, Бауцен (по славянам лужицким), из Бауцена прямо в Галицию по русским и в Венгрию, если позволит время. В Галицию приеду в начале июня. В августе буду в России. Вот мой план. Покорнейше прошу Вас сообщить Ваш в Прагу *poste restante*.

В Вене живет плохо. Нездоровье и тоска одолели. Развлекаюсь работою и знакомлюсь с славянами. Чехи не любят нас, русских, как не любят нас поляки. Ближе всех стоят к нам галицкие русские, известные под именем рутенов. Они встречают каждого русского, как брата, и хоть бы не сходились с ними в каких-нибудь мнениях, — но русское происхождение в силах уничтожить разладицу. .¹

Через несколько дней я вышлю к Тиблену статью об одном случае в русской галицкой литературе, случае очень недавнем (1859 г.) и в котором рельефно сказались все тенденции народной партии и обстоятельства, в которые она поставлена. Если Вам угодно будет получить ее для «Времени», то Тиблен передаст ее Вам: я на всякий случай предупредил его.²

Писать более не в силах: устал и нездоровится. Если Вы вздумаете перекинуть в Прагу несколько строк ко мне, я покорнейше прошу уведомить меня о участи статьи моей: «О значении Бокля», переданной Михаилу Михайловичу еще в январе месяце. Вторую статью о Бокле начал, — но написал только первую главу: все время возился с историей и статистикой Бреславского университета, да со статистикой народн<ым> школам, гимназиям славян. Измучился от этой работы за предписаньями, регламентациями и пр. Бог весть, как буду рад, когда вырвусь на свежий воздух.

Надеясь иметь удовольствие скоро встретиться с Вами,
имею честь быть с искренним чувством уважения

Н. Барсов.

Вашей супруге и Михаилу Михайловичу покорнейше прошу засвидетельствовать мое почтение.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93.И.1.70.

Год устанавливается по содержанию: Н. П. Барсов совершал ученое путешествие в Австрию в 1862 г.

Николай Павлович Барсов (1839—1889) ко времени знакомства с Достоевским только что окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1861) и состоял корреспондентом газеты «Спб. ведомости» в Австрии (впоследствии он служил учителем истории и географии в Виленском, затем стал кандидатом-стипендиатом по кафедре русской истории в Петербургском университете, после получения степени магистра стал экстраординарным и ординарным профессором Варшавского университета). Еще в 1861 г. Барсов стал сотрудничать в журнале «Время». В № 11 был напечатан его перевод труда Г. Гервинуса «Теоретический очерк истории», сопровождаемый его же введением (*Нечава В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975. С. 242, 264*), а в № 6 за 1862 г. появилась его статья «О значении Бокля „История цивилизации в Англии“».

То, что Достоевский мог намереваться «совершить» с Барсовым «часть поездок вместе», свидетельствует о дружеских отношениях писателя с совсем молодым человеком. Приветы же его не только М. М. Достоевскому, но и М. Д. Достоевской это подтверждают. Очевидно также, что Барсов бывал в редакционном кружке «Времени», в котором кроме членов кружка бывала и М. Д. Достоевская и члены семьи М. М. Достоевского.

¹ Результатом путешествия Барсова по славянским землям являлась работа «Славянский вопрос и его отношение к России» (Вильна, 1867). В ней он предсказывал великое будущее славянским народам, которые, по его мнению, должны объединиться под эгидой России (см.: *Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1891. Т. 2*).

² Это письмо Барсова к Н. Л. Тиблену неизвестно. Статья во «Времени» не появлялась.

В. В. Крестовский — Достоевскому

2 ноября 1863 г. Петербург

Милый Федор свет Михайлыч,
Говорят, вы написали
Итальянские мотивы
И в Москве их потерялп.

Понатужьтесь хорошенько —
Хоть натужиться и тяжело —
И, припомнив все до слова,
Запишите на бумажку.

Записав же их до слова,
Вы в пакетец уложите
И в одиннадцатой роте
В дом Крестовской отнесите,

Чтоб в «Осе» найти их тотчас,
Меж веселеньких статей,
Где разменен стих ваш каждый
Будет на тридцать копеек.

Пожелав засим возврата
Вам потерп той московской,
Честь имею оставаться

Весь ваш
Всеволод Крестовский.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93.П.5.145. На бланке сатирического листка «Оса» под датой: «Ноябрь 2-го дня 1863».

О близких отношениях Достоевского с Крестовским в 1861—1864 гг. см.: *Ориатская Т. П.* Редакционный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860—1865 гг.) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 258—260. Здесь же опубликовано еще одно письмо Крестовского к Достоевскому; см. также статью В. А. Викторovichа в наст. сборнике (с. 92—116).

В публикуемом шутильном стихотворении речь идет о реальной потере Достоевского. 10 ноября 1863 г. он писал В. Д. Констант: «В Москве я потерял мой сак (который поменьше) с некоторыми вещами и с паспортом» (28₂, 55). Вероятно, это произошло во время неуставленной короткой поездки Достоевского в Москву (после 16 октября). Упоминаемые здесь «Итальянские мотивы» — это что-нибудь из жанра «Письма из-за границы» или путевых очерков. Никаких сведений о том, что такие «письма» задумывались во время второго заграничного путешествия Достоевского, кроме строк этого стихотворения, нет.

Ф. П. Лобысевич — Достоевскому

1

Конец сентября—начало октября 1864 г. Оренбург

Милостивый государь Федор Михайлович!

Вследствие производившегося в государственном Департаменте С.-Петербургской Управы благочиния дела о взыскании по заемному письму с сотрудника журнала «Эпоха» Аполлона Александровича Григорьева должных им мне 40 р. сер. ныне Департамент сей чрез мое начальство отношением от 17 августа № 29795 уведомил меня, что коллежский ассессор Аполлон Григорьев, с которого следовало взыскать в мою пользу 40 р. сер., оказался совершенно несостоятельным, а потому, если я желаю, по силе 71 и 2217 ст<атей> 2 ч<асти> Св<ода> зак<онов> гражд<анских> (изд. 1857 г.) подвергнуть его личному аресту, то чтобы представил я в сей Департамент, согласно 2218 ст<атье> того же тома, для этого кормовые деньги по 4 р. 18 1/2 к. сер. в месяц.

Не могу решительно понять, неужели литературная деятельность г-на Григорьева, почти ежемесячно печатаемая в журнале «Эпоха», недостаточно гарантирует личность Григорьева от ареста за какие-нибудь 40 р., да не хочется верить еще, чтобы к этому допустили и г<оспода> литераторы, знакомые с Григорьевым и, тем более, которым он доставляет свои статьи. Я часто слышал от Григорьева о дружеских его отношениях с Вами, да и письмо его к Вам, напечатанное в 7 № журнала «Эпоха» — «Парадоксы органической критики», доказывает, что отношения эти между Вами продолжают, а потому я решился обратиться к Вам, объяснить все эти обстоятельства, с покорнейшею просьбою: удержать эти деньги из гонорария г-ну Григорьеву за статьи его, помещенные в журнале «Эпоха», и выслать таковые ко мне, чем Вы избавите от позорного ареста Вашего товарища и доставите мне большое удовольствие не прибегать к таким мерам; а потерять безнаказанно 40 р. для меня большой расчет, я человек, живущий одним небольшим жаловавшем

и маленькими купами, получаемыми за статьи мои в газете. Я вполне надеюсь, что Вы найдете возможным заплатить деньги эти за Григорьева и будете столь добры, возьмете на себя труд устроить это без огласки и дурных для Григорьева последствий. Ожидаю от Вас с нетерпением ответа.

Примите уверение в уважении и преданности

Федор Лобысевич.

Адрес: Его Высокоблагородию

Федору Ивановичу Лобысевичу

В г. Оренбург

В квартире генерала Лобысевича.

P. S. Если Вы можете выслать мне на эту сумму книг, то я готов и на это, пришлите каталог из магазина Базунова, я выберу и уведомя Вас, какие именно книги выслать.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, № 29766. Датируется по содержанию письма, в котором упоминается № 7 «Эпохи» за 1864 г. (как недавно вышедший). Этот номер вышел в свет 29 сентября 1864 г.

Как видно из следующего письма Лобысевича, на данное письмо Достоевский не ответил: слишком тяжело было его горе от недавней потери А. А. Григорьева, умершего 25 сентября.

2

20 октября 1864 г. Оренбург

20 октября 1864 года. Г. Оренбург

М<илостивый> государь Федор Михайлович!

Еще раз решаюсь беспокоить Вас моей усерднейшей просьбою, не можете ли Вы высылать мне в будущем 1865 году журнал Ваш «Эпоху» и выслать теперь из магазина Базунова (с которым Вы, вероятно, имеете счеты по изданию при нем журнала) некоторые книги и за все это удержать из денег, следующих г-ну Григорьеву; за смертью его, вероятно, у Вас остались к напечатанию его статьи, или, может быть, Вы еще не кончили денежные счета за прежние его литературные труды. Мне кажется, что в этом случае Вы вправе то, что следует Вам от меня, удержать из того, что следует с Вас г-ну Григорьеву, в счет его долга мне, заявив о том в 1 Департамент С.-Петербуржской Управы благочиния, где Вы можете и удостовериться по имеющейся в сей Управе переписке и документам о справедливости сего долга.

Хотя я не имею удовольствия знать Вас лично, но многие заявления о Вашей обязательности и личных достоинствах дают мне надежду, что если только можно сделать мне это одолжение, то Вы не откажете в моей покорнейшей просьбе, о последствиях которой прошу покорнейше не оставить уведомить меня.¹

Прошу принять уверение в почтении и преданности Вашего почтеннейшего слуги

Ф. Лобысевича.

P. S. Если мои служебные обязанности позволят, то я думаю, с Вашего согласия, выслать несколько небольших повестей моих для напечатания в Вашем журнале.²

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, № 29766.

¹ Ответил ли Достоевский на это письмо, неизвестно. После смерти Григорьева в портфеле редакции «Эпохи» никаких его статей не оставалось. Долга же Григорьеву за «Эпохой» не было.

² Никаких «повестей» Лобысевича в «Эпохе» не появлялось; не осталось сведений о них и в портфеле редакции журнала (сохранились его письма к редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу — ИРЛИ, ф. 293. I. 817; письма 1868—1886 гг.)

М. Л. Златковский — Достоевскому

9 октября 1864 г. Петербург

Милостивый государь Федор Михайлович!

Несколько суббот сряду заходил я в редакцию за справками, но ничего не мог узнать об участи моей статьи «Виктор Гюго, его защитники и антагонисты», подписанной Михаилом Библиоманом (мой псевдоним).¹ И потому обращаюсь письменно, и именно к Вам, милостивый государь, как к сотруднику, более других заинтересованному в делах редакции.

В начале прошлого 1863 г. явился я к покойному брату Вашему с предложением написать этюд о Викторе Гюго и 2 главы доставить в марте месяце. Михаил Михайлович нашел вступительную главу слишком короткою и просил ее переделать и проследить исторически роман во Франции более подробно. Потом к приведенным в примере 8 стихотворениям Гюго должен был я представить построчный перевод. Все это было мною исполнено, и статья была принята. Но тут на беду «Время» прекратило свое существование,² и статья пролежала в редакции 8 месяцев, потому что каждую минуту ожидали возрождения журнала. Наконец 1-я книжка «Эпохи» увидела свет,³ я принялся отыскивать свой этюд, но как в 1864 г. критический отзыв о «Les Misérables» не мог утешить тот интерес, то я и должен был всю 3-ю главу переделать, представив в ней параллель всем возможным отзывам, как русским, так и иностранным, чрез то 3-я глава не только в ensembl'e, но и отдельно взятая во всякое время может иметь свой интерес. Эта 3-я и последняя глава доставлена в редакцию в июне.

Не имея никакой возможности по вторникам являться в редакцию для справки,⁴ обращаюсь к Вам письменно, милостивый государь, с следующими просьбами и предложениями:

Просьба состоит в том, чтобы редакция решила наконец участию моей статьи, которая, не по моей вине, испытала столько превратностей. Предложение мое, может быть, покажется Вам довольно ори-

гинальным, но не менее того имеющим логический смысл: если я, вместо наличных денег, которыми, может быть, в настоящее время редакция не богата, получу материальное вознаграждение частью абонементными билетами на журнал «Эпоху» на следующий 1865 г., частью отдельными оттисками моей статьи, то таким образом редакция, не тратя ни копейки наличными деньгами, удовлетворит сотрудника и приобретет даже несколько новых подписчиков, а сотрудник получит материальное вознаграждение и продажей отдельных оттисков и распространением журнала < . . . >. Если предлагаемые условия Вами примутся, то покорнейше прошу меня уведомить 2—3-мя строчками. Если же Вы найдете нужным поговорить со мною лично, то потрудитесь назначить день и час, в который бы я мог явиться в редакцию⁵ < . . . >

9 октября 1864.

Адрес мой: на Васильевском острове, в здании Университета, в комитете Иностранной цензуры

Михаил Леонтьевич Златковский.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 93.П.5.19.

¹ Статья цензора М. Л. Златковского (род. 1836) «Виктор Гюго, его защитники и антагонисты» в «Эпохе» напечатана не была. Не была она и возвращена автору: возможно, Достоевский все же намеревался ее напечатать, в противном случае в «Списке статьям (рукописям). 1863 год» рядом с ее названием появилась бы помета — «Возвращено» (см.: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975. С. 287).

² Журнал «Время» прекратил свое существование на № 4 за 1863 г., вышедшем 4 мая.

³ Номера 1—2 «Эпохи» (сдвоенные) вышли в свет 24 марта 1864 г.

⁴ Вторник был официальным днем приема и у М. М. и Ф. М. Достоевских.

⁵ Ответ Достоевского на это письмо неизвестен.

Неизвестная (А. К.) — Достоевскому

9 октября 1864 г. Петербург

9-го октября 64 года

Я думаю, Вы забыли обо мне, многоуважаемый господин Достоевский; или же если и не забыли, то я оставила в Вас самое дурное впечатление по себе; да иначе и быть не могло! В самом деле: верно, я очень испорченная женщина, что не умела Вас понять, (Вас), такого чистого, честного человека, не сказала Вам всей истины. Вы принимали такое горячее участие во мне.

Впрочем, я не совсем виновата, что делать, если я постоянно до сих пор встречала людей с железными сердцами и потому никому не говорила той горькой истины, которая по понятиям дюжинных людей кажется предосудительною; но ведь знала ли я Вас прежде? могла я Вам раскрыть душу? Да? Вы можете сказать, кто тебя просил: ведь не я тебя искал? И не напрашивался на твои тайны: это

правда? Но что делать, если обстоятельства были такого рода: я не могла объяснить, что я за личность; но остальное верно всё — что тут делать: мне не то больно, что я потеряла Ваше участие в материальном отношении, нет, верьте мне, что у меня теперь единственная забота как бы то ни было приобрести деньги и возратить Вам, но ведь это не так легко; и потому я должна ждать несколько время, пока оправдаюсь перед Вами, мне жаль одно, что я поселила в Вашей чистой душе недоверие, положим, уж не ко мне: я уж совсем не стою, но к тем, которые будут Вас просить о чем-либо; да, кроме того, человеку с таким направлением, как Вы, самому трудно переносить подобные вещи, тут остается какое-то оскорбленное чувство, а у Вас и без того избита душа; нет, я пошло поступила с Вами. Простите ли Вы мне когда-нибудь мой поступок? Ужели я навсегда Вас потеряла, ведь это хуже всякого наказания. Нет, Вы не злой, Вы простите меня, я Вам скоро объясню причину моего поступка и вымолю прощение, не думайте, что опять какие-нибудь просьбы и надежды или что-нибудь в этом роде, меня так тянет к Вам, нет, клянусь всем, что есть для меня святого, нет: я Вам не буду больше объяснять, но будет время, когда я Вам докажу; пока примите мое искреннее почтение

А. К. . .

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, № 29920.

Судя по содержанию письма, автором его является одна из так называемых «шестидесятниц», может быть, даже «нигилистка» круга другой знакомой Достоевского — Марфы Браун. Во всяком случае, это одна из тех «новых» женщин, с которыми Достоевский мог встречаться у сестер Сусловых или во время литературных чтений в пользу разных курсов. Как явствует из письма, писатель не раз встречался с этой женщиной, не раз откликнулся на ее просьбы о сочувствии и о материальной поддержке, тем самым поселив в ней какие-то «надежды». Ее «пошлый» поступок по отношению к писателю состоял, очевидно, в том, что, получив довольно крупную сумму в ответ на очередную просьбу, она, зная о трудном материальном положении Достоевского после смерти М. М. Достоевского, просто исчезла, не будучи в состоянии возратить долг.

А. Г. Шиле — Достоевскому

1864—1865 гг. Петербург

Добрейший Федор Михайлович,

сделайте дружбу, похвалите мой перевод «Философию брака» Базунову, он изъявил желание его издать. Дело в том, что Базунов не совсем уверен в том, что эта книга будет иметь успех. Будьте так любезны, уверьте его в этом, для меня это чрезвычайно важно. Цена за перевод 100 рублей небольшая, труда было много.

Надеюсь, что Вы исполните просьбу искренно преданной Вам

Адель Шиле.

В конце недели я буду сама у Вас.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, № 29904. Датируется временем появления будущей писательницы Аделаиды Гавриловны Шиле в Петербурге (а она приехала сюда из Уфы в середине 1864 г.). Начала Шиле свою карьеру с переводов (упоминаемый в письме перевод сочинения Дэбе был издан А. Ф. Базуновым) экономических работ, затем перешла к художественному переводу, печаталась в различных периодических изданиях.

Данное письмо, а также публикуемые далее мемуары Шиле свидетельствуют о недолгих, но довольно близких дружеских отношениях писателя с нею. Эти мемуары относятся, по всей вероятности, ко времени подготовки тома «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» (СПб., 1883). Они не были дописаны автором. Рукопись не подписана, и поэтому принадлежит ее не была определена архивистами. В ЦГАЛИИ (ф. 212, оп. 7, № 3) они озаглавлены «Воспоминания неустановленного лица». Автор мемуаров установлен нами по сопоставлению с письмом Шиле. Упомянутый в мемуарах романс — это ставшее хрестоматийным стихотворение Ф. Малерба «Consolation à monsieur Du Périer sur la mort de sa fille».

СТРАНИЧКА ИЗ МОИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Памяти Федора Михайловича Достоевского

Знакомство мое с знаменитым романистом-психологом началось в 1864 г., когда я впервые вступила на арену трудовой жизни, сбросив с себя ярмо супружества и великосветской пустоты.

Федор Михайлович издавал в то время журнал «Эпоху», и я пришла просить у него переводной работы. Будучи в то время очень застенчивой и робкой, я страшно волновалась перед тем, как решилась к нему идти, не имея никакой рекомендации, побуждаемая только страстным желанием войти в храм литературы, представлявшийся мне лучезарным чертогом, населенным необыкновенными смертными.

Помню, это было зимой, я шла к Федору Михайловичу, жившему в то время на Екатерининском канале (близ Средней Мещанской), рано утром, чтоб наверное застать его дома.

Тогда в Петербурге жили не как теперь и работали по-другому, но об этом умолчу.

Дойдя до дверей квартиры, я стояла в раздумье, не уйти ли мне домой. Наконец набралась храбрости и позвонила. Узнав от меня, что я пришла по делу, прислуга мне сказала:

— Идите прямо в кабинет, у нас без докладов.

Федор Михайлович сидел за небольшим столом. Услышав шаги, он повернул голову и, увидев меня, встал, подошел ко мне и посмотрел на меня такими добрыми глазами, что я сразу ободрилась и начала с ним говорить.

Не прошло получаса, как мы уже были старыми знакомыми. Куда моя робость девалась, я болтала без умолку.

Федор Михайлович меня совсем очаровал своею ласковою речью и обещанием работы в своем журнале, что он вскорости и исполнил, дав мне переводить «Жакерию».

После того виделась я с покойным Достоевским довольно часто, иногда он назначал мне приятный в известный в то время книжный магазин А. Ф. Базунова (у Казанского моста), которому он рекомендовал издать мой перевод «Философии брака» Дэбе, что тот и исполнил,

взяв у меня рукопись моего перевода, не читая, напечатал его, говоря, что «похвала Федора Михайловича для него дороже всего».

До моего знакомства с покойным писателем я представляла его себе страшно серьезным, мрачным, нелюдимым, а на самом деле он оказался необыкновенно приветливым, общительным и не напускавшим на себя никакой важности.

Иногда ему приходила фантазия покатать меня по Невскому на «лихаче», что мне тогда так нравилось, чтоб дух захватывало от быстрой езды, и я была в восторге.

Не раз также угощал меня Федор Михайлович шоколадом в кондитерской Вольфа. Вообще отношения у нас были самые дружеские, до последнего дня моего пребывания в Петербурге, до 1866 г., когда я должна была уехать на довольно продолжительное время в Киев.

О том страшном недуге, какому был подвержен наш знаменитый романист, я не имела никакого представления до того момента, когда мне однажды утром, в назначенный самим Федором Михайловичем час, пришлось увидеть, как он бился в конвульсиях с искаженным лицом и страшно хрипел. У меня до сих пор мороз по коже, когда я это вспомню.

Несмотря на сорокалетнюю давность, я помню, до мельчайших подробностей, этот печальный день, когда мне пришлось быть свидетельницей страшного недуга, каким страдал покойный писатель.

Когда я вошла в небольшую комнату, рядом с кабинетом Федора Михайловича, и застала его сидевшим перед ломберным столом, спиной к дверям, барабанившим пальцами по столу и тихо напевавшим французский романс: «Et rose, elle a vécu, Ce que vivent les roses, L'espace d'un matin» * <не закончено>

Н. А. Потехин — Достоевскому

28 февраля 1865 г. Петербург

Милостивый государь Федор Михайлович!

Оставляю Вам «Врача-специалиста», исправивши по Вашим указаниям. Если Вы найдете, что Крестов недостаточно столичен <?>, то сделайте одолжение, измените выражения и вообще не откажитесь исправить другие промахи комедии.¹

Уважающий и преданный Вам покорный слуга

Н. Потехин.

28 февр<аля>. Воскресенье.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93.11.7.115.

Николай Антипович Потехин (1834—1896) — брат известного писателя и драматурга А. А. Потехина, также прозаик, драматург, рецензент, театральный критик, актер и режиссер. Ранние пьесы его «Дока на доку нашел» (1860) и «Быль молодцу не укор» (1861) как мало самостоятельные и «сочиненные» (пер-

* И роза, она прожила сколько живут розы — одно лишь утро (франц. — Ред.).

вая в подражание Островскому, вторая — французской мелодраме) подверглись критике во «Времени». Но в 1865 г. Достоевский перед закрытием «Эпохи» ее заключительную февральскую книгу открыл пьесой Н. А. Потехина «Врач-специалист», тоже слабой, поверхностно обличительной. По предположению В. С. Нечаевой, «Достоевский, умоливший Островского о новой пьесе и ждавший до последнего срока, не получив ее, должен был заполнить номер тем, что было у него под рукой» (*Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975. С. 121—122*). Перед этим в «Эпохе» (1865. № 1) был помещен не лишенный поэзии рассказ Н. А. Потехина «Уездное дитя». Позднее, в 1870-е гг., большим успехом пользовались его связанные с современностью остро сюжетные пьесы «Злоба дня», «Мертвая петля» и др. (о чем упоминает Достоевский в набросках к «Дневнику писателя» 1876 г. — см.: 24, 92 и 419).

¹ Комедия Н. А. Потехина в 4-х действиях «Врач-специалист» (с посвящением артисту П. В. Васильеву) построена на столкновении характеров двух медиков, бывших сотоварищей по университету, Петра Дмитриевича фон Эрсона, живущего для наживы и пользующегося успехом у женщин, и Николая Федоровича Крестова, доктора, честно прослужившего 7 лет в провинции. Крестов в конце концов выступает в роли разоблачителя Эрсона, женится на чистой девушке, приданым которой пытался воспользоваться обольститель, заведя одновременно роман с ее замужнею сестрою, и к тому же получает кафедру в Петербургском университете («Эпоха». 1865. № 2. С. 108—128; ценз. разр. № 2 — 13 марта и выход — 22 марта). Как видно из пьесы, Потехин сам сомневался в художественных достоинствах своей пьесы, принял все «указания» Достоевского, беспокоился о фигуре резонерствующего Крестова и возлагал надежду на редакторскую правку Достоевского.

В. Д. Оболенская — Достоевскому

6 декабря 1871 г. Тула

6-е декабря 1871 г.

Милостивый государь Федор Михайлович!

Позвольте обратиться к Вам с усердной и вместе с тем с очень личной просьбой, а именно — дозволейте мне, милостивый государь, переделать «Преступление и наказание» в драму для представления на Императорских театрах. Эта мысль у меня давно, она стала моей лелеемой мечтой, мне недоставало только смелости просить Вас, милостивый государь, о дозволении.¹ Легко может быть, что я не осилю переделку и откажусь от попытки, но желание видеть на сцене лучшее произведение русской словесности пока так велико, что все соображения смолкают, и я, сознавая и смелость, и докучливость, и, быть может, странность моей просьбы, все же решаюсь Вам ее высказать, убедительно прося Вас, милостивый государь, пзвинить то, что Вам, быть может, неприятно в просьбе²

Готовой к услугам Вашим

княжны Варвары Оболенской.

Прилагаю адрес на случай, если Вам будет угодно почтить меня ответом.

Город Тула. У часовни Св. Николая, княжна Варвара Дмитриевна Оболенская.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф. 93. II. 7.30.

Варвара Дмитриевна Оболенская, дочь министра государственных имуществ, члена Государственного совета, сотрудница «Русской старины» и «Русского архива», князя Д. А. Оболенского; известна ее книга «Подспорье, главные правила русского правописания» (Тула, 1872).

¹ Достоевский, как известно, с благодарностью откликнулся на лестные «похвалы» его роману, не официальные, а искренние, заметив, что «для таких-то отзывов и живешь и пишешь». и дал согласие на просьбу В. Д. Оболенской о переделке «Преступления и наказания» для сцены, но подчеркнул свой взгляд на всю сложность, почти неодолимость стоящей перед ней задачей: «Насчет же Вашего намерения извлечь из моего романа драму, — пишет он 20 января 1872 г., — то, конечно, я вполне согласен, да и за правило взял никогда таким попыткам не мешать; но не могу не заметить Вам, что почти всегда подобные попытки не удавались, по крайней мере вполне» (29, 225). В последних словах речь идет об аналогичной «попытке» московского книгопродавца и писателя А. С. Ушакова, который по поручению «Артистического кружка» (среди членов его были А. Н. Островский, В. Ф. Одоевский, П. Ф. Горбунов) обратился к Достоевскому в письме от 22 февраля 1867 г. за разрешением «переделать или, скорее, приновить» для сцены «Преступление и наказание» и послал писателю составленную им по роману пьесу на просмотр. С согласия Достоевского, по его замечаниям (оставленным Н. Н. Страхову при отъезде за границу), Ушаков доработал пьесу и представил ее в Цензурный комитет Главного управления по делам печати, которым она, несмотря на неоднократные (с лета 1867 г. по 1882 г.) обращения Ушакова, так и не была дозволена к постановке (см.: Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 275—281).

² В ответном письме Достоевский предостерегает Оболенскую от прямолинейного переложения романа в пьесу. «Есть какая-то тайна искусства, — пишет он своей корреспондентке, — по которой эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической. Я даже верю, что для разных форм искусства существуют и соответственные им ряды поэтических мыслей, так что одна мысль не может никогда быть выражена в другой, не соответствующей ей форме». Далее он представляет В. Д. Оболенской творческую свободу, предлагая ей «как можно более» переделать и изменить роман, «сохранив от него лишь один какой-нибудь эпизод, для переработки в драму, или взяв первоначальную мысль» и «совершенно» изменив «сюжет» (29, 225). Вероятно, такое пожелание не было для Достоевского единственным и универсальным, но оно указывало на необходимость творческого соучастия, идущего от «первоначальной мысли» романа. По-видимому, ответ Достоевского еще более увеличил сомнения Оболенской, «осилит» ли она «переделку», и она отказалась от своего замысла.

Д. В. Аверкиев — Достоевскому

1

21 октября 1877 г. Москва

Москва. 21-го октября 1877.

Большая Дмитровка,
дом Бучумова, на углу
Столешникова переулка.

Многоуважаемый Федор Михайлович,

В надежде на Ваше ко мне благорасположение обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбой. Дело вот в чем.

Я написал комедию, которую по причинам, важным для меня лично, мне не хотелось помещать в «Русском вестнике». Главнейшую

причину я, впрочем, могу объяснить откровенно. Мне просто надоело печататься в одном и том же журнале, многие статьи коего мне не только не нравятся, но, как г-на Авсеенко, просто претят.¹ А между тем вследствие исключительного сотрудничества в «Русск^{ом} вест^{нике}» я считаюсь почему-то не только солидарным, но как бы ответственным за все в нем помещаемое. Вот мне и вздумалось попытаться счастья, нельзя ли напечататься где-либо в другом месте. Самым подходящим журналом мне кажутся «Отечеств^{енные} записки».² Вы знаете там всех, а я никого, а потому я и решаюсь просить Вас позондировать это дело.³ Если и не удастся, то все как будто легче получить отказ не лично, а через третье лицо.

Теперь несколько слов о комедии. Она, как говорится, из современного быта и в стихах. Зовется «Непогрешимые», ибо непогрешимость, по-моему, есть *une vice à la mode*,* как говорит мольеровский Дон Жуан.⁴ В ней задеты и скороспелые богачи, или финансисты, как их зовут для пущей важности, и либеральные бары, и адвокаты, и газетчики. Эти лично, а мимоходом и другие. Нигилистов нет, ибо они уже повывелись, а остались, вообще говоря, одни *гиллисты*, от слова *гиль*.

Комедия написана в чисто комическом духе, что ныне редкость, без всякого сентимента, без убийств и полиции, и вообще без всяких натянутостей, на что ныне мода. Надеюсь, что смеху в ней достаточно.⁵ С пошлостью нынче часто церемонятся и думают избавить людей от нее тем, что представляют пошляков в трагическом свете. Я, как Вам известно, довольно прилежный, хотя, быть может, и достаточно негодный ученик старых писателей и к новшеством не расположен: я думаю, что пошлость убивается смехом.⁶

Еще скажу, что следовал и такому плану. Комедия *смеется*, но не насмехается, как говаривал Лессинг.⁷ Насмехаться над пошлостью — значит оказывать ей некое почтение, над нею следует открыто смеяться. Во-2-х, как говорил Мольер, комедия смеется вообще над людскою пошлостью, а в частности только над современной.⁸ Сие я понимаю так: черты типические современно следует придавать сообразно внутреннему характеру лица. Напр^{имер}, завистливость к внешнему богатству и блеску присуща вообще людскою пошлости, но сии черты чаще всего встречаются меж адвокатами, а посему и облечь ее следует в образ адвокатский. Желание блеснуть образованностью, передовыми взглядами, просвещенною деятельностью, словом, в сию сторону направленное ряженье в павлиньи перья, желание казаться выше, чем есть, также общечеловеческая пошлость, но сие едет она в наше время по преимуществу скороспелых богачей, а посему да и щеголяет она в их образе. Флюгерство, перепрыгивание с мненья на мненье особенно развито между барями, и т. д.

Кроме таких черт наделены все лица, за исключением двух, уверенностью в своей непогрешимости, в том, что они не могут ошибаться и делают все в наисквернейшем мире наилучшим образом.⁹

* модный порок (*франц.*).

Не знаю, удалось ли мне достаточно ясно обозначить интимный план комедии:

Доселе гордый наш язык
К почтовой прозе не привык,¹⁰

и в письме не выкладываются мысли совершенно ясно. Надо статью писать.¹¹

Комедия в 4-х актах. Три совершенно готовы и отделаны: дай-то Бог и четвертый не замедлится.

В заключение, повторяя высказанную просьбу, свидетельствую Вам и супруге Вашей искреннее почтение и жму Вашу руку.

Д. Аверкиев.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф.93.11.1.76.

Дмитрий Васильевич Аверкиев (1836—1905), драматург славянофильского направления, театальный критик, автор труда «О драме» (см. о нем ниже), повестей и стихов, публицист и рецензент. Лучшие его пьесы — «Комедия о российском дворянине Фроле Скобееве. . .» (1869) и «Каширская старина» (1872). Достоевский, когда появилась в «Заре» (1869, № 3) первая из названных комедий Аверкиева, в письме к Н. Н. Страхову из Флоренции от 6 (18) апреля 1869 г. выразил желание «напечатать в „Заре“ о «Фроле Скобееве» «письмо < . . . », да некогда, — замечал он, — и слишком волнуясь». И далее: «Не знаю, что выйдет из Аверкиева, но после „Капштанской дочери“ я ничего не читал подобного < . . . » У Аверкиева не знаю — найдется ли столько блеску в таланте и в фантазии, как у Островского, но изображение и дух этого изображения — безмерно выше. Никакого намерения. Предвзятого < . . . » Беда, если его хватит только на одну комедию» (29₁, 36). Немного погодя в письме А. Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 г. Достоевский уже несколько поправлял себя: «Комедию о Фроле Скобееве Аверкиева я считаю лучшим произведением за нынешний год. С первого чтения был даже в восторге; теперь, со второго чтения, стал смотреть поосторожнее» (29₁, 46). Более полную справку об Аверкиеве и его взаимоотношениях с Достоевским см.: 29₂, 326).

¹ С 1870 г. Д. В. Аверкиев в основном печатается в «Русском вестнике», так же, как и В. Г. Авсеенко. В 1877 г. там была опубликована (в № 1) трагедия Аверкиева «Франческа Риминийская» и начал печататься (с № 3) его труд «О драме»; из появившихся в журнале в этом году «литературно-исторических очерков» Авсеенко «Происхождение романа» (о Рабле и Сервантесе — № 6, 9 и 12) и его рассказа «Дела давно минувших дней» (№ 3) отрицательное отношение у пропагандиста реалистической поэтики Аверкиева вызвал, скорей всего, последний — из жизни военных в 1827 г., написанный в духе романтической прозы Марлинского.

² Получив письмо в момент, когда он был болен, и отложив визит в редакцию «Отечественных записок» до выздоровления, Достоевский сообщил 5 ноября 1877 г., что он знаком ближе только с Некрасовым, Щедриным и Плещеевым и что, ввиду тяжелого состояния Некрасова, решение главным образом зависит от Щедрина, и предупреждал: «Впрочем, *прямо* скажу: тут может быть лишь один вопрос (мимо всякого вопроса о достоинстве комедии): „Настолько ли имя Ваше *ретроградно*, что уже несмотря ни на что Вам надо будет непременно отказать?“ Они именно держатся такого взгляда, и приди хоть сам Мольер, но если он почему-либо *сомнителен*, то и его не примут» (29₂, 174). О «ретроградстве» Аверкиева см. примеч. 2 ко второму его письму. Предупреждение Достоевского говорит о том, что он четко представлял себе принципиальную линию демократического журнала, который поместил на своих страницах его «Подростка» и в то же время откажет Аверкиеву.

³ Аверкиев адресует к Достоевскому свою просьбу, рассчитывая на его возобновившиеся отношения с редакцией «Отечественных записок», в частности

с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным, в связи с публикацией там в 1875 г. романа «Подросток».

⁴ Имеется в виду реплика Дон Жуана, обращенная к Сганарелю, из комедии Мольера «Дон Жуан, или Каменный гость» (д. 5, явл. 2): «Ныне этого уже не стыдятся: лицемерие — модный порок, а все модные пороки сходят за добродетели. . .» (пер. А. В. Федорова: *Мольер*. Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 155).

⁵ Комедия в 4-х действиях «Непогрешимые» не удалась Аверкиеву. Она является слабым сколком с комедии Грибоедова «Горе от ума» без трагической фигуры Чацкого: вернее, его заменяет вернувшийся в Москву из-за границы племянник «богатого барина» Андрей, который благополучно кончает женитьбой на подруге его дочери Варвары. Действие перенесено в век промышленности и банковых спекуляций. Варвара, с ее согласия, просватана за «финансиста» — дельца Быстрикова, который проворовывается. Не без юмористических черт изображены и «известный адвокат» Бушуев и «газетный сотрудник, тоже известный», Прихваткин. Андрей по ходу событий обличает дядюшку во «флюгерстве» и всех остальных героев в их грехах.

⁶ Аверкиев в эту пору обдумывал свой труд «О драме», печатавшийся первоначально в «Русском вестнике» в течение 1877—1878 гг. и вышедший отдельным изданием в 1893 г. (с дополнительным разделом о комедии). Увекочившая установки поэтики Аристотеля и Лессинга и отстаивая реалистический принцип в литературе, Аверкиев вместе с тем выступал в соответствии со своей консервативной позицией против так называемого обличительства, за чистую «художественность», не учитывал новых тенденций в развитии драматургии (см. о нем: *Аникст А. А.* Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. М., 1972. С. 410—429).

⁷ В «Гамбургской драматургии» (в статье XXVIII) Лессинг по поводу спектакля по пьесе Реньяра «Рассеянный», в одном из отзывов вызвавшей возражение, что «не следует», мол, «смеяться» над рассеянным человеком, писал: «Но смех и насмешка — две вещи совершенно различные. Мы можем смеяться над человеком, при случае смеяться даже ему в лицо, нисколько не насмехаясь над ним». И затем он относит это положение и к «Мизантропу» Мольера, возражая Руссо, говорившему, что «Мольер заставляет нас смеяться над мизантропом, тогда как мизантроп — честный человек в пьесе. . .»: «Нисколько; мизантроп вовсе не делается человеком, достойным презрения, а остается таким, каким был, и смех, вызываемый теми забавными положениями, в какие его ставит поэт, нисколько не уменьшает нашего уважения к нему» (пер. И. П. Рассадина, переработанный М. Лифшицом; *Лессинг Г.-Э.* Гамбургская драматургия. М.; Л., 1936. С. 110—111). Аверкиев, как видно из письма, абсолютизирует это высказывание Лессинга.

⁸ Аверкиев снова несколько переакцентирует в духе своей теории рассуждения одного из персонажей «Версальского эксромта» Мольера, который, решая вопрос, кого из двух спорящих вывел Мольер «под видом маркиза» в своей «Критике Школы жен», говорит: «Если задача комедии — рисовать человеческие недостатки вообще, главным образом недостатки наших современников, то Мольер не может создать такой характер, который не напоминал бы кого-нибудь в нашем обществе» (пер. Арго; *Мольер*. Полн. собр. соч.: В 3 т. М. 1985. Т. 1. С. 570—571).

⁹ Отвечая Аверкиеву, Достоевский прежде всего отреагировал именно на эту сторону содержания его комедии, о которой он мог пока судить лишь по изложению ее автором: «. . . я с величайшим удовольствием, — писал он, — пожелал как можно скорее исполнить Ваше поручение насчет комедии (то что Вы написали об ней, то есть тема, *непогрешимость*, „высокообразованность скороспелых богачей, зависть адвокатов“ и проч., — все это показалось мне чрезвычайно живым и именно *тем*, что теперь нужно на сцену)» (29₂, 174).

¹⁰ Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. III, строфа XXVI).
¹¹ Статья «О комедии» была впервые опубликована Аверкиевым в 1893 г. в журнале «Русское обозрение» (№ 9. С. 344—391), как написанная «вновь» после публикаций в «Русском вестнике» 1877—1878 гг. Вскоре, как указывалось (см. выше примеч. 6), она была включена в изд. «О драме» (М., 1893), удостоенное тогда же Пушкинской премии от Академии наук. В статье дается небезын-

тересная классификация комедии на три ее вида, но опять-таки, как уже отмечалось, категории эти носят несколько застывший характер: жанровые видоизменения, например проникновение в комедию элементов трагизма, недооцениваются (см. назв. выше монографию А. А. Аникста).

2

22 ноября 1877 г. Москва

Многоуважаемый Федор Михайлович,

Не знаю как благодарить Вас за Ваше ко мне благорасположение и за хлопоты, которым подверглись из-за меня.¹

Меня, признаюсь, несколько поразило выражение Некрасова, что я все, что ни писал, — против них и их направления.² Конечно, это неправда; я о них думал только мимоходом в досужие часы. Говоря откровенно, я полагал, что мои шпильки столь же мало тревожат других, как их меня. Выходит наоборот. Выходит, что в самом деле есть какие-то направления, в чем доселе я смел сомневаться, по крайности сомневался в их серьезности. Но, быть может, я сужу слишком по-художнически.³

Что касается до совета Вашего не разрывать с «Русским вестником», то, правду сказать, я о разрыве и не думал. Я просто думаю, что покойнее для человека, когда у него два издателя, или покупателя.⁴

Еще раз благодаря Вас за хлопоты и свидетельствуя мое почтение супруге Вашей, остаюсь Вас уважающим и любящим

Д. Аверкиев.

Р. С. Жена моя благодарит Вас за память и усердно Вам кланяется.⁵

22 ноября 77.

Печатается по подлиннику: ГБЛ, ф.93.П.1.76.

¹ Письмо это является ответом на второе письмо Достоевского от 28 ноября 1877 г., в котором он делился впечатлениями от посещения редакции «Отечественных записок» и встречи с большим Некрасовым и Салтыковым и воспроизводил разговор с ними, как бы произвольный, от своего лица, об Аверкиеве «как о писателе», чтоб его не скомпрометировать (см.: 29₂, 175).

² Сообщенные Достоевским Аверкиеву слова Некрасова, сказанные «весьма резко и решительно» и поддержанные «тут же» Салтыковым, как указывалось в комментариях к цитируемому письму Достоевского, вызваны враждебными выступлениями Аверкиева в печати, особенно в первой половине 60-х гг. (рецензии, пародии, эпиграммы) против революционно-демократического крыла русской литературы и журналистики, что вызвало возмущение не только Щедрина, но и Писарева (см.: 29₂, 300).

³ Несмотря на то что пафос отстаивания принципа оценки произведения по степени его художественности и общечеловечности возник у Аверкиева не без воздействия на него в молодые годы Достоевского как главы сплотившегося вокруг него кружка «Эпохи» (см.: *Аверкиев Д. В. Дневник писателя за 1885 г.* СПб., 1887. С. 2—3), он доходит в утверждении его до крайности и отрицания «направлений», будучи в то же время сам выразителем определенной консервативной идеологии. Такой упрощенной антитезе противостоит глубокое истолко-

вание диалектики взаимозависимости этих начал в статье Достоевского 1861 г. «Г-н —бов и вопрос об искусстве» (18, 70—103).

⁴ Аверкиев продолжает печататься в «Русском вестнике». Его комедия «Непогрешимые» была опубликована также в этом журнале (1879. № 1).

⁵ С Софьей Викторовной Аверкиевой, женой драматурга, в молодости актрисой, Достоевский тоже был хорошо знаком и особенно часто встречался с ней позднее, по возвращении Аверкиевых из Москвы в Петербург, у Е. А. Штакеншнейдер (подробнее см.: 29₂, 327).